

- Римма Федоровна, года два назад наша газета опубликовала материалы из архива ЦК КПСС, где говорилось, что вы и Инна Кашежева в 1969 г. в Харькове читали "идейно порочные" стихи.

- Да, в Харькове я читала стихотворение "Вожди":

Смогли без бога -

сможем без вождя.

Вожди, вожди!

Народец ненадежный.

Гадай: какая там -

под хвост вожжа,

куда - опять натягивают

вожжи...

Послушные -

хоть веники вяжи! -

шли за вождем,

как за козлом - овечки...

- Но в архивах ничего не сообщалось о мерах, предпринятых против вас, поэтес-волюдумцев.

- После этого нас заставили написать объяснительные записки на имя секретаря Союза писателей, что это стихотворение написано не про Хрущева. За нас заступился Булат Окуджава. Но тем не менее нам запретили на полгода выступать перед публикой.

Эти стихи про вождей вообще правда, и читатели понимали это. Единственное, мы, поэты, тогда еще не осознавали, что время оттепели прошло. И нам уже стали говорить, что мы должны теперь созидать, воспевать...

- Воспевать коммунизм?

- Ну, революцию, например. У меня, по-моему, есть только два таких стихотворения. Вообще-то тогда я не понимала, что такое революция. Мы просто рождены были с этим словом... Я считала себя советским человеком, преданной революции, партии. Хотя в действительности все делала не так. Еще в университете, когда мы писали сочинение "Мой любимый герой", я написала, что мне нравятся: Тиль Уленшпигель, Энгельс и Ломоносов. Меня сразу начали таскать: почему не Зоя Космодемьянская, не Олег Кошевой? А потом я "доплясалась" до того, что наш преподаватель-марксист сказал: "У Казаковой не советские взгляды".

- Что же вы такого наговорили ему?

- Я задавала такие вопросы, на которые он не мог ответить. Например, я спросила: "Какой сейчас этап у советского государства? Сталин сказал, что второй этап социализма заканчивается 1936 годом, принятием новой Конституции СССР и уничтожением эксплуататорских классов". В ответ все разводили руками, потому что Иосиф Виссарионович по этому

Римма Казакова как Революция, Электрификация и Мировой Октябрь

поводу ничего не сказал.

А потом, в эпоху застоя, мой сын Егор в школе начал издавать журнал "Гишпопотам", где главным гишпопотамом стал... Брежнев. Меня срочно вызвали в школу и сказали: "Вы что, Солженицына воспитываете?"

- Вы как-то говорили мне, что, когда умер Сталин, вы очень долго плакали.

- Плакала. Я записала у себя в дневнике: "Умер родной, любимый Иосиф Виссарионович Сталин. У нас огромное горе!"

Мы с подружкой рвались из Ленинграда в Москву. На похороны Сталина. Но мой папа, полковник в отставке, бывший райвоенком, меня не пустил. Ночью я услышала, как он рыдает. Мама была у него в комнате, успокаивала его. Я стояла у дверей, как окаменевшая. И вдруг услышала слова отца: "Подох-таки, сволочь!"

Кстати, когда была еще маленькой, я сказала папе: "Папа, когда я стану большой, женюсь на Сталине". Отец дико за меня перепугался. А мама срочно стала переориентировать мои мозги: "Ты выйдешь замуж за папу".

- А когда вы стали уже взрослой, он объяснял вам, что же на самом деле происходит в стране?

- Нет. Когда я, девятнадцатилетняя шпана, сказала ему: "Папа, надо подписаться на газету "Правда", на "Известия", - он запустил в меня горячую чугунную сковородку с яичницей. "Я тебе подпишусь!" Я ничего не могла понять. Отец и мать у меня были коммунистами. Когда я сказала, что тоже хочу вступить в партию, отец меня чуть не отлупил. Он, видимо, понимал многое.

- Это он вас называл Рэмо?

- Да. Я долгие годы стеснялась своего настоящего имени. А потом поняла, что я не одна такая. Даже читала рассказ, в котором был юноша Трофим и

девушка Женя. Они пошли в загс, и мальчик говорит ей: "Прости, на самом деле меня зовут не Трофим, а Трактор". И она ему тоже: "Прости, и я не Евгения, я Выдвиженка". Вот и папа меня называл Рэмо - Революция, Электрификация, Мировой Октябрь. Кстати, у нас в университете была девочка по имени Идея и мальчик Дип (догнать и перегнать).

Преподавать историю на Дальний Восток я поехала, уже будучи Риммой Федоровной.

Меня и мама в детстве Риммусей называла. А когда крестилась (будучи в зрелом возрасте), меня нарекли именем святого Риммы. (Случайно у нас почти совпали дни рождения.) Так что Римма - тоже настоящее имя.

- Отец не рассердился, узнав, что вы отказались от нареченного им имени?

- Нет. Он понимал, что совершил ошибку. Брата моего они уже называли обычным именем - Александр. Просто к тому времени уже не было такой дури, когда даже на наволочках самолеты печатали.

- Вам когда писалось лучше - в оттепель, в застойные годы или после?

- Это тот вопрос, на который мне очень сложно ответить. Время оттепели, наверное, лучшее время для поэзии. А потом... И не заметила, как оказалась в "болоте".

Сейчас написала новую книгу. Очень долго не писала. Потому что не могла понять, что происходит в стране и во мне. Но однажды проснулась с ощущением, что живу уже в другом мире, что я уже не тогдашняя, не тамошняя. Если когда-то я была "шестидесятицей", теперь, похоже, стала "девяностодесятицей".

- А зачем вам политические стихи? Они же стареют. Может, есть смысл писать только "вечные" стихи?

- Все зависит от природной направленности дара. Я, например, очень политизированный поэт и человек. Меня интересует положение человека в эпоху. У меня тоже есть "вечные" стихи - о любви, о детях, о материнском чувстве, о природе. Но вот эта "отрава" шестидесяти привита мне, и она из меня так просто не выскакивает.

Сегодня я уже иронизирую по поводу политики. Не случайно в последней книге "Наугад" некоторые политические стихи разместила в разделе "Игры"...

- Сейчас вам, наверное, очень сложно.

- Да, для литературы это не самые лучшие времена. Чтобы издать книгу, надо искать спонсора...

На жизнь зарабатываю песнями. Пишу тексты для песен. (Песни Казаковой исполняют А. Пугачева - "Мой снежный мальчик", А. Серов - "Мадонна", "Музыка венчальная", И. Аллегрова - "Безответная любовь" и др. - Ред.)

- Ваш сын Егор Радов тоже стал писателем. Как вы оцениваете его прозу?

- В принципе я предопределила его судьбу. Когда он был еще маленьким, прочитала "Воздушный корабль" Лермонтова и объяснила ему, почему мы, читая Лермонтова, любим Наполеона, кото-

рый был нашим врагом.

"Это, - сказала я ему, - эффект литературы". И он очень заинтересовался этим. В 11 лет он написал целую тетрадь "Улинь рассказы" - истории, рассказанные его няней. Его отец тоже писатель. Сейчас Егор один из любимых авторов молодежных журналов. Безусловно, состоялся как писатель. Сейчас заканчивает пятый роман. Я верю в него.

- У вас около 30 поэтических сборников, в том числе изданных за рубежом. Но я не обнаружил в вашей биографии каких-либо званий, премий...

- Премия у меня одна - дали в Узбекистане. А звание - заслуженный работник культуры Узбекистана и Каракалпакии.

В прежние времена союзные премии были делом тусовочным.

Помню, как давали премии некоторым людям. Например, если человек стал главным редактором журнала, то его сразу грузили всякими премиями. Сейчас моя последняя книга стихов "Наугад" выдвигается Союзом писателей Москвы на соискание Государственной премии. Кроме моей книги на премию претендуют стихи любимых и уважаемых мною поэтов Евгения Рейна и Николая Панченко. Но... дело не в премиях, а в читателях. У меня сложился свой круг читателей, и это дороже всех премий.

Беседовал
Валерий БАТУЕВ
Фото автора

● ФОТОФАКТ

Фото Бориса Лесняка